

Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е. (Москва)

ПРОТОМЕОТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАНА 2 МОГИЛЬНИКА УАШХИТУ I¹

Знакомство одного из авторов этой статьи с С.А.Скорым относится к далекому уже сейчас 1989 году и произошло оно на вечерних «посиделках» коллег «скифосарматчиков» после заседаний Первой Кубанской конференции в г. Краснодар. Надо отметить, что предшествующий этой встрече полевой сезон 1988 г. был чрезвычайно богат для предскифской археологии. Тогда на могильнике Клин-Яр III А.Б.Белинским было открыто знаменитое погребение с «новочеркасской» уздой и коническим шлемом ассиро-урартского облика, явившегося впоследствии важнейшим хронологическим репером всего новочеркасского периода. Именно в этот же сезон был раскопан и первый курган могильника Уашхиту I, в котором впервые удалось зафиксировать остатки колесничной упряжки предскифского времени. И хотя сообщения об этих открытиях не стояли в программе конференции, мы с Андреем Белинским с большим энтузиазмом знакомили с находками коллег в «кулуарах», показывая фотографии погребений и рисунки вещей. Одним из тех, кто проявил к ним самый живой интерес и был Сергей Анатольевич, в то время активно исследовавший лесостепные памятники киммерийской эпохи.

Материалы первого кургана могильника Уашхиту I были в 1994 г. опубликованы

в статье и монографии «У истоков раннескифского комплекса» (Эрлих, 1994: 134-150; 1994a), однако продолжить исследование этого интересного могильника в те годы нам не удалось в силу целого ряда причин.

Лишь спустя шестнадцать лет силами совместной экспедиции Государственного музея Востока и Института археологии РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда этот могильник был доисследован.

В качестве «приношения» в сборник, посвященный 60-летию С.А. Скорого, мы публикуем серию погребений предскифского времени из второго кургана могильника Уашхиту I.

Курганный могильник Уашхиту I находился на водоразделе рек Улька и Фарс, в 2 км к югу от аула Кабехабль и в 2,5 км на СВ от хут. Дорошенко. Участок пахотного поля, на котором располагался могильник, был с запада ограничен поймой р. Улька, с юга - грунтовой дорогой, ведущей к аулу Кабехабль, а с севера безымянным ериком - правым притоком реки. Расстояние от поймы р. Улька составляло 160 м к югу. Излучина заросшего камышом ерика огибала могильник с северной стороны.

Могильник состоял из двух распаханных курганов (само слово «Уашхиту» означает в переводе с адыгейского «два

¹ Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант № 07-06-00241а.

кургана»), расстояние между которыми не превышало 40 м (рис. 1, 1, 2). В 1988 г. Кавказской археологической экспедицией был раскопан южный курган № 1. В этом кургане высотой около 5 м было обнаружено ограбленное элитное погребение начала VII в. до н. э. в большой могильной яме размерами 13x7 м. На дне могилы впервые *in situ* была открыта упряжка колесницы предскифского времени.

В 2005 г. оставшийся неисследованным северный курган – № 2, стоявший на мысу, омываемым безымянным ериком – притоком реки Ульки, находился на земле частного крестьянского хозяйства жителя аула Кабехабль Батмирзы Тлюстангелова и подвергался ежегодной распахке.

Насыпь кургана имела форму близкую к полусферической и была несколько растянута к востоку – юго-востоку. При этом её северный склон, оканчивавшийся у русла безымянной речки, был более крутым, чем южный. Диаметр кургана равнялся 60-64 м, высота по результатам нивелировки поверхности достигала 4 м. Погребенная почва в ходе исследования была зафиксирована на глубине –3,00-3,50 м.

Интересно, что в отличие от кургана 1, насыпь которого была возведена над большой ямой с захоронением вождя колесничего предскифского времени и лишь частично перекрыла грунтовой могильник майкопской эпохи (*Днепровский, Корневский, 2003*), в насыпь кургана 2 было впущено 42 погребения, относящихся к широкому хронологическому диапазону, начиная с эпохи ранней бронзы и заканчивая сарматским временем (рис.2).

В центре кургана на незначительной глубине обнаружено разрушенное погребение воина-колесничего (погребение № 9). Кроме этого в кургане встречено 15 скорченных погребений, которые мы суммарно отнесли к эпохе поздней бронзы – раннему железному веку. Три погребения (14, 24 и 37) имели погребальный инвентарь, относящийся к протомеотскому времени.

Поскольку результаты радиоуглеродного исследования всех имевшихся здесь комплексов еще нами не получены, в данной публикации мы приводим лишь те погребения, которые по материалу уверенно

могут быть отнесены к протомеотскому периоду.

Погребение 9 (рис. 3-5). Находилось в центре насыпи. R=0 находился непосредственно над краем скелета лошади № 4 (примерно напротив центра скелета). Погребение было обнаружено **на глубине** –115-137 см от R=0. Конструкция **погребального сооружения** не прослеживалась. Это было захоронение четырех упряжных лошадей, уложенных головой на юг, на животе с подогнутыми ногами. Головы у лошадей №№ 2 и 4 были повернуты к юго-западу и лежали на боку, у лошади № 1 – также на юго-запад, но ее череп лежал основанием вниз, а у лошади № 3 череп ориентирован на юг. Лошади были уложены попарно так, что между парами в центре был промежуток шириной 30-40 см.

Остеологический материал позволил Ю.А.Спасовскому определить двух из четырех особей как взрослых жеребцов.

Лошадь 1 – крайняя к востоку. Ее кости соприкасались с запада с костями лошади 2, а с восточной стороны были повреждены трактором в ходе обнаружения. Близ черепа лошади находились выпавшие из зубов удила (1), по бокам лежали псалии (2). С двух сторон позвоночника в области лопаток находились крупные бляхи с «солярными знаками» (3 и 4). Еще одна подобная бляха лежала орнаментом вниз между ребрами лошади 1 и позвонками лошади 2 (5). В средней части скелета, на ребрах, соприкасавшихся с ребрами лошади 2, лежало бронзовое кольцо (6). С восточной стороны под костями лошади на глубине –130-151 см был прослежен участок прокаленной докрасна почвы.

Лошадь 2, находившаяся к западу от лошади 1, лежала вплотную к ней, на животе с подогнутыми ногами. В зубах лошади были зажаты удила (7), рядом – псалии (8).

Лошадь 3 также лежала на животе, прижимаясь к лошади 4. Лошадь была взнуздана сохранившимся в сочленении – удилами (9) и псалиями (10).

Лошадь 4 лежала вплотную к третьей, на животе. В зубах лошади находились удила (11), рядом – псалии (12). В области



1

2  Курганный могильник Уашхиту- I
съемка В. Марковского (1987 г.)

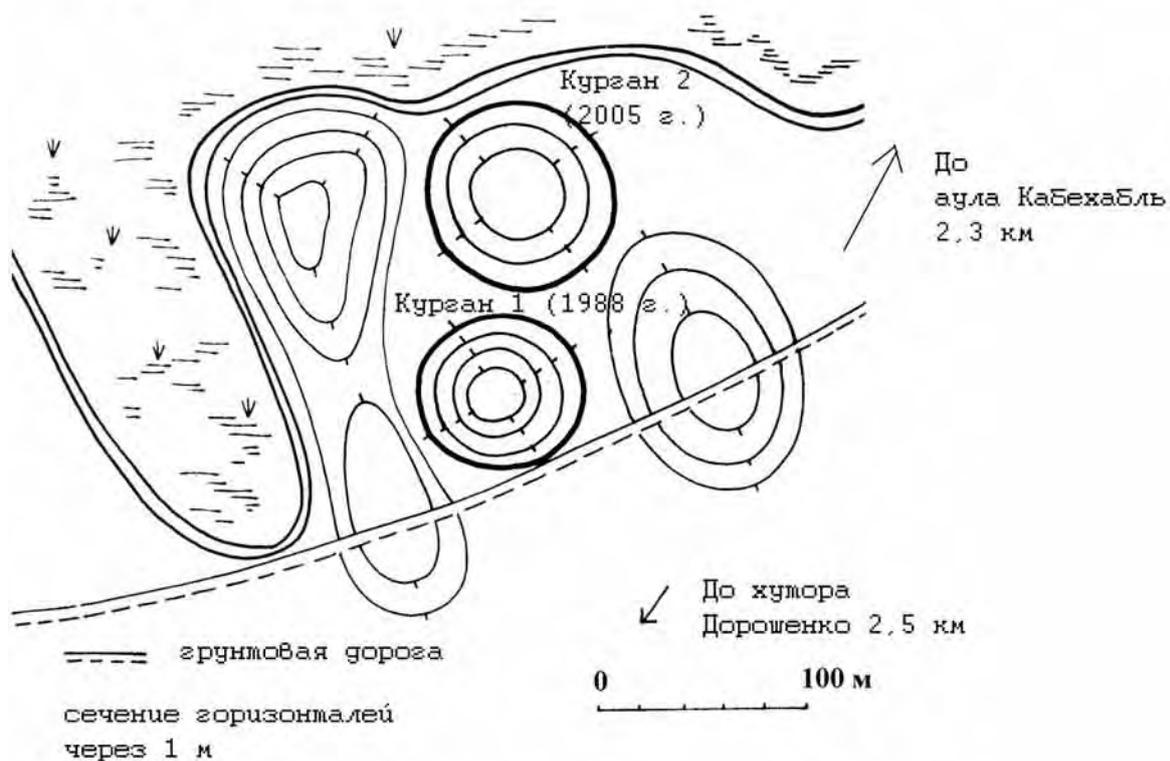


Рис. 1. Топоплан могильника Уашхиту- I.

1 – общий вид курганов, фото 1987 г.; 2 – топоплан могильника Уашхиту.

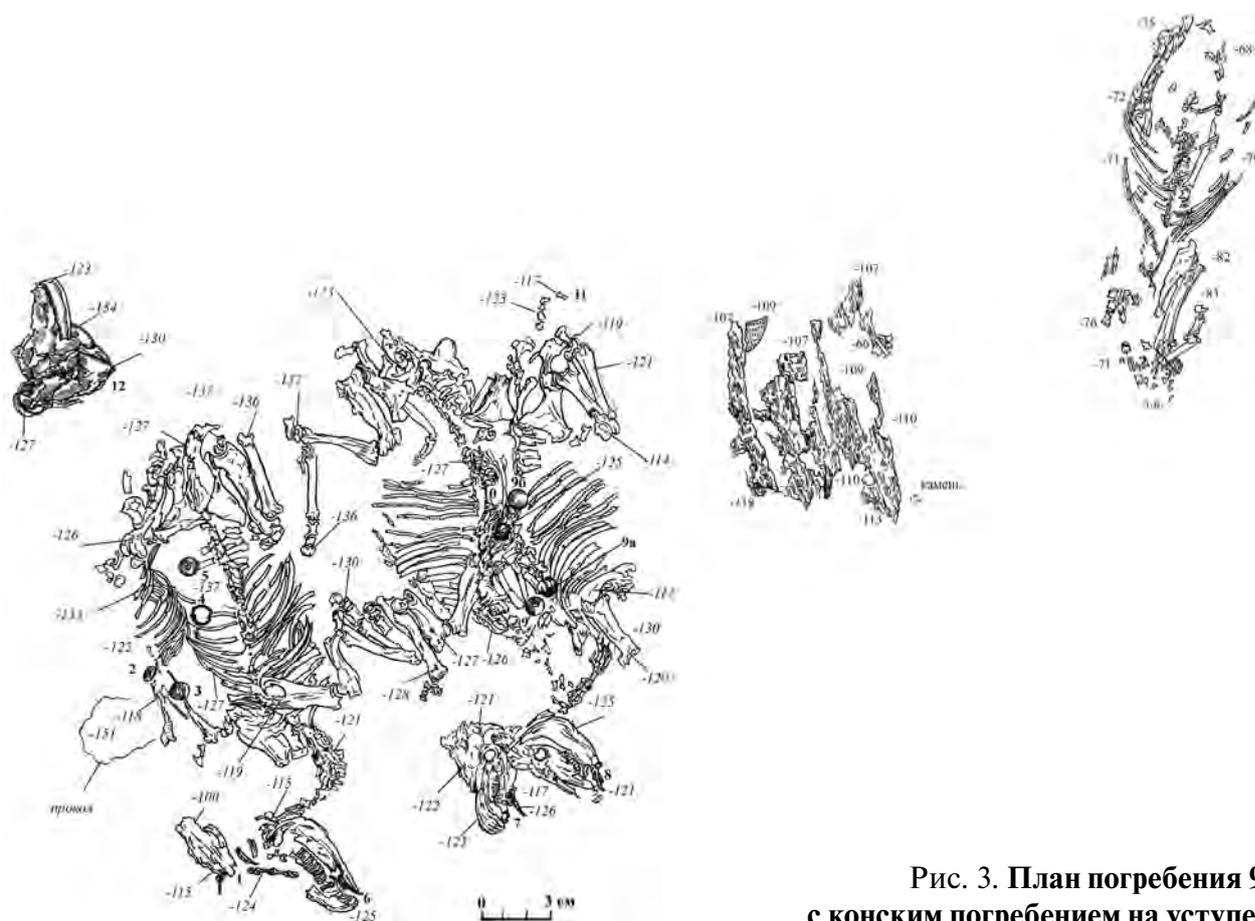


Рис. 3. План погребения 9 с конским погребением на уступе.

30 см к северу, напротив костей лошадей 2 и 3 на глубине 138 см была найдена костяная бусина (распалась). К востоку – северо-востоку от ситулы в насыпи были найдены фрагменты керамики (18, 19, 20).

К северу от конских костей обнаружены несколько фрагментов свода разбитого человеческого черепа. Две фаланги пальцев были найдены у северного окончания скелетов лошадей 3 и 4.

На расстоянии 0,5 м к востоку от **R=0** на глубине –107-118 см был расчищен участок истлевшего дерева общими размерами 1 x 0,7 м. При расчистке дерево имело белесый и черный цвета. Сохранность его крайне плохая. Судя по прослеженному направлению волокон, дерево было уложено в направлении север – юг. Возможно, данный фрагмент являлся остатками перекрытия могильной ямы. Это предположение кажется тем более вероятным, если учесть, что на костях лошадей 3 и 4 встречены небольшие участки черного органического тлена.

Приводим описание найденных в погребении предметов:

Конь 1

1. Бронзовые двусоставные удила с двукольчатым окончанием. Имеют одностороннее двурядно-прямоугольное рифление. Длина звеньев – 10,3 и 11,4 см (рис. 6, 1).

2. Однотипные трехпальчатые псалии, один конец которых оформлен плоской круглой шляпкой, другой – в виде раскованной лопасти. Высота псалиев – 12,3 и 13,1 см. (рис. 6, 2, 3).

3. Круглая массивная бляха с уплощенным щитком, украшенным рельефным изображением в виде солярного знака-ромба, вписанного в круг и с розеткой в центре. На обороте – массивная петля. Диаметр 7,6 см (рис. 6, 4).

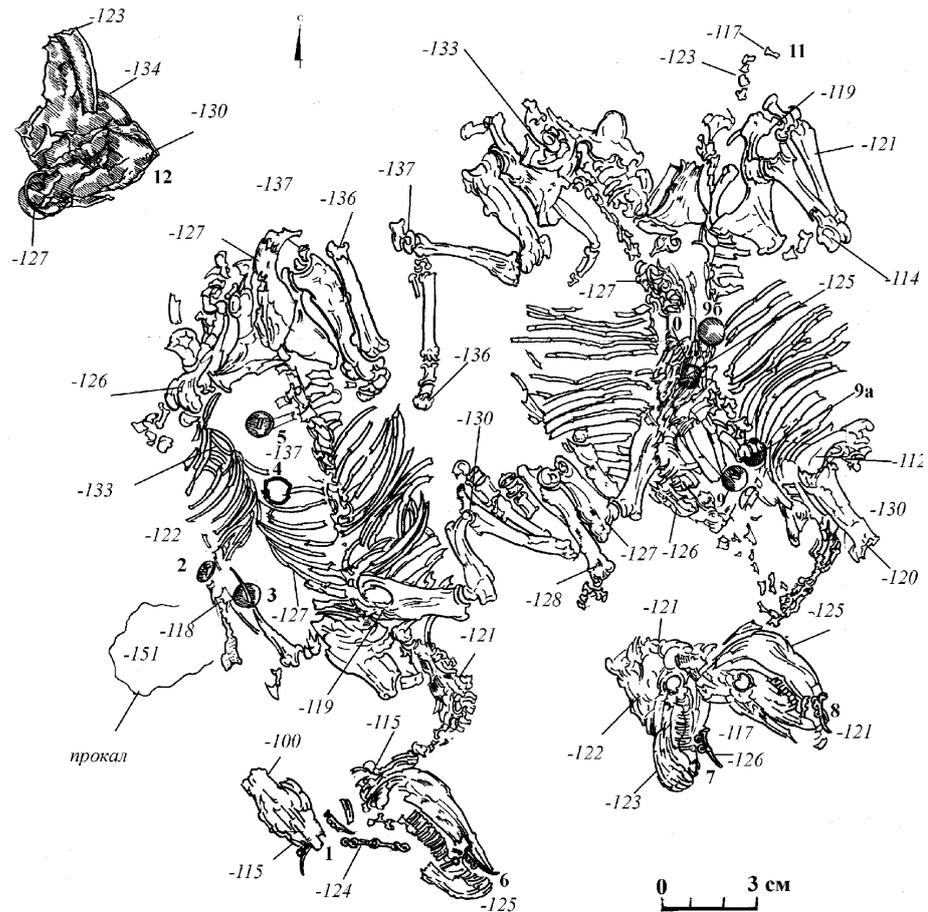
4. Аналогичная бляха. Диаметр – 7,6 см. (рис. 6, 5).

5. Аналогичная бляха. Диаметр – 7,6 см (рис. 6, 6).

6. Упряжное браслетообразное кольцо. Диаметр – 6,7 см., ширина пластины – 3,4 см (рис. 6, 7).

Рис. 4. План погребения 9 (упряжка колесницы).

Лошадь 1: 1 – удила и псалии бронзовые; 2, 3, 5 – бляхи бронзовые; 4 – кольцо бронзовое; **лошадь 2:** 6 – удила и псалии бронзовые; **лошадь 3:** 7 – удила и псалии бронзовые; **лошадь 4:** 8 – удила и псалии бронзовые; 9, 9а, 9б – бляхи бронзовые; 10 – кольцо бронзовое; 11 – кости человека; 12 – сосуд (ситула) бронзовый.



Конь 2

7. Бронзовые двусоставные удила с двукольчатым окончанием. Имеют одностороннее двурядно-прямоугольное рифление. Длина звеньев – 10,7 и 10,8 см (рис. 6, 8).

8. Однотипные трехпетельчатые псалии, один конец которых оформлен плоской круглой шляпкой, другой – в виде раскованной лопасти. Высота псалиев – 13 см (рис. 6, 9, 10).

Конь 3

9. Бронзовые двусоставные удила с двукольчатым окончанием. Имеют одностороннее двурядно-прямоугольное рифление. Длина звеньев – 10,9 и 11,3 см (рис. 7, 1).

10. Однотипные трехпетельчатые псалии, один конец которых оформлен плоской круглой шляпкой, другой – в виде раскованной лопасти. Высота псалиев – 12,9 см (рис. 7, 2, 3).

Конь 4

11. Бронзовые двусоставные удила с двукольчатым окончанием. Имеют

одностороннее двурядно-прямоугольное рифление. Длина звеньев – 10,7 и 10,8 см (рис. 7, 4).

12. Однотипные трехпетельчатые псалии, один конец которых оформлен плоской круглой шляпкой, другой – в виде раскованной лопасти. Высота псалиев – 12,9 и 13,2 см (рис. 7, 5, 6).

13. Круглая массивная бляха с уплощенным щитком, украшенным рельефным изображением в виде солярного знака-ромба, вписанного в круг и с розеткой в центре. На обороте – массивная петля. Диаметр 7,6 см (рис. 7, 7).

14. Круглая массивная бляха с уплощенным щитком, украшенным рельефным изображением в виде солярного знака-ромба, вписанного в круг и с розеткой в центре. На обороте – массивная петля. Диаметр 7,5 см (рис. 7, 8).

15. Аналогичная бляха. Диаметр – 7,7 см (рис. 7, 9).

16. Упряжное браслетообразное кольцо. Диаметр – 6,5 см, ширина пластины – 3,5 см (рис. 7, 10).



Рис. 5. Погребение 9, вид с севера.

17. Ситула, склепанная из листовой бронзы. Отдельно сформован цилиндрический поддон, приклепанный к тулову маленькими гвоздиками. Тулово реповидной формы изготовлено из двух кусков листовой бронзы и склепано при помощи бронзовых гвоздиков-заклепок. Венчик слегка отогнут наружу. Сосуд имеет две литые ручки с зооморфными ушастыми выступами. Сосуд подвергался ремонту в древности. Отверстие закрыто прямоугольной заплаткой, приклепанной тремя гвоздиками.

Высота сосуда 25 см. Диаметр поддона 12, 5. Максимальный диаметр тулова – 33 см (рис. 8, 1, 7).

18. Фрагмент стенки сероглиняного чернолощеного сосуда, украшенного врезным орнаментом в виде заштрихованных лент, расположенных перпендикулярно друг другу. Размер фрагмента 23 x 17 см (рис. 8, 2, 6).

19. Фрагмент стенки сероглиняного толстостенного сосуда (корчаги?), украшенного врезным орнаментом в виде заштрихованных полос, расположенных под

прямым углом друг другу. Размер фрагмента 25 x 21 см (рис. 8, 3, 5).

20. Фрагмент придонной части крупного сероглиняного сосуда – корчаги (рис. 8, 4).

По-видимому, с этим же погребением связано и дополнительное конское погребение 1 (рис. 3), располагавшееся несколько выше на краю ямы погребения 9 либо на уступе. Оно находилось в центре насыпи к ВСВ от R=0. Координаты точки привязки, расположенной у южного края скелета: ЦВ – 2,5 м; ЦС – 0,5 м. Погребение было обнаружено на глубине –68-72 см от R=0. Контуры могильной ямы не прослеживалась.

Кости лошади плохой сохранности. Жеребец старше двух лет (определение Ю.А.Спасовского) был уложен на брюхо с подогнутыми ногами, прижатыми к корпусу. От черепа сохранилось только скопление зубов. Общая ориентация скелета по оси север - юг, головой на юг с небольшим отклонением к западу.

Погребение 14 (рис.9, 1). Находилось в юго-восточной поле насыпи. Координаты

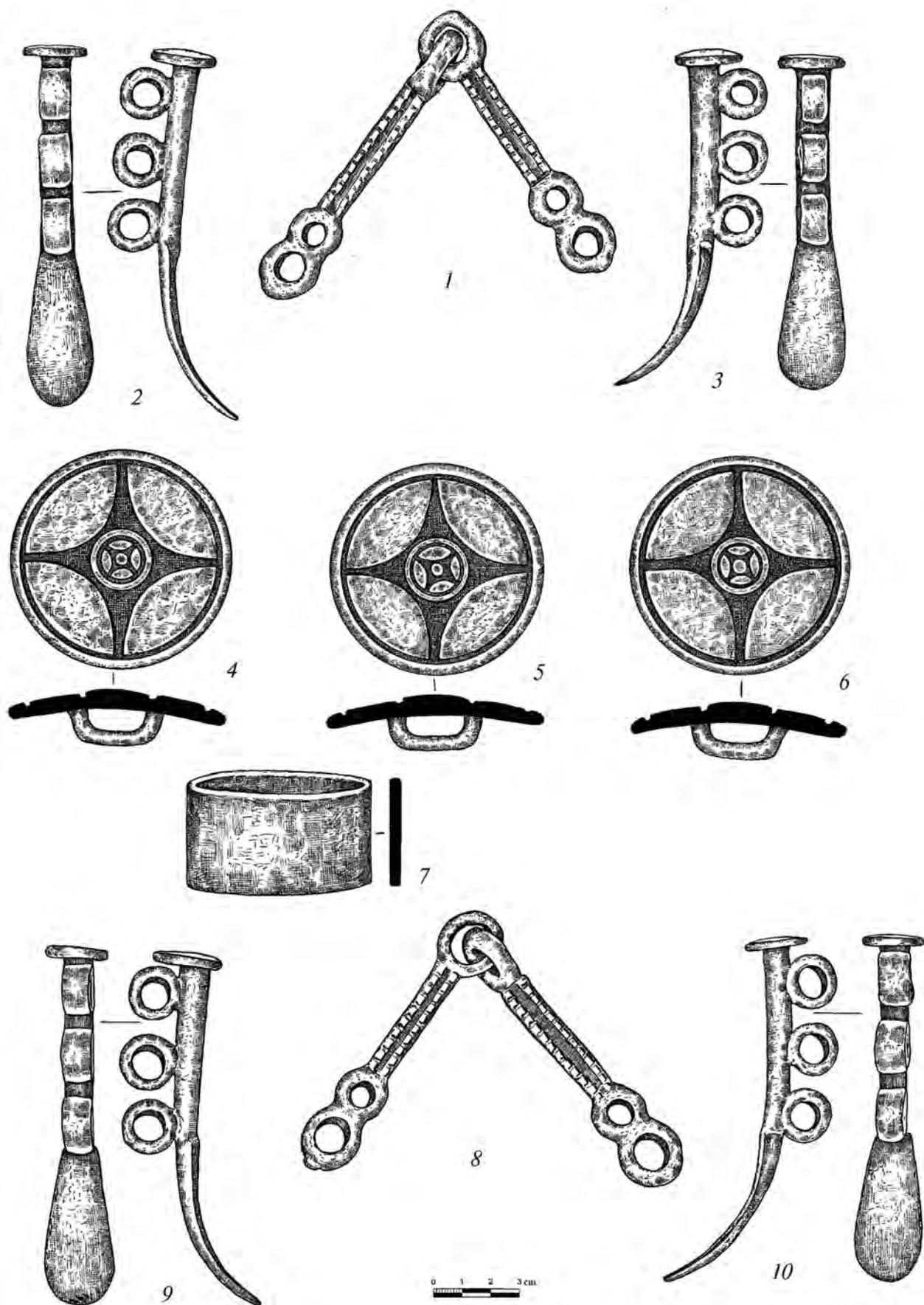


Рис. 6. Погребение 9, детали конской упряжи.
1-7 – узда и упряжь лошади 1; 8-10 – узда лошади 2. Бронза.

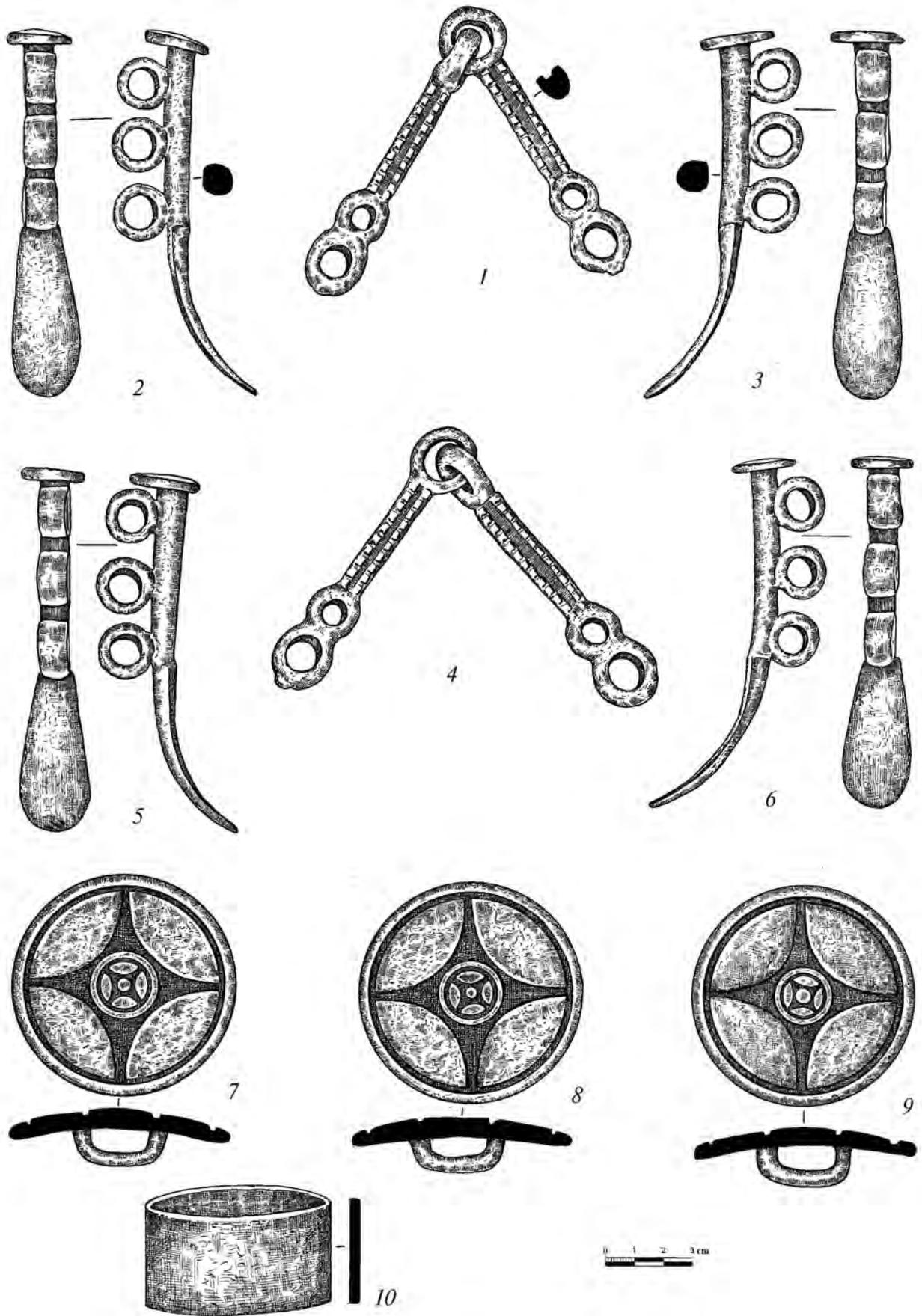


Рис. 7. Погребение 9, детали конской упряжи.
 1-3 – узда лошади 3; 4-10 – узда и упряжь лошади 4. Бронза.



Рис. 8. Погребение 9, ситула и фрагменты керамики.

точки привязки, расположенной к северу от черепа: ЦЮ — 5 м; ЦВ — 3 м. Погребение было обнаружено на глубине —147-150 см от R=0. Контуры могильной ямы не прослеживались.

Сохранность скелета плохая. Судя по сохранившимся костям, он принадлежал ребёнку. Погребённый лежал на правом боку черепом на северо-запад. Череп был расположен на правом боку, лицевой частью обращён к юго-западу. Кроме того, сохранились кости грудной клетки и мелкие обломки других костей. Кости рук, таза и обеих ног не сохранились. Вероятно, погребённый лежал с некоторым разворотом грудной клетки книзу.

Инвентарь представлял собой фрагментированный керамический черпак, который был установлен непосредственно перед лицевыми костями черепа. Сосуд имел слабовыпуклое тулово с отогнутым краем, подчеркнутым горизонтальной врезной линией. Тесто с примесью дресвы. Отломанная в древности ленточная петле-видная ручка крепилась нижним концом к средней части тулова, а верхним, отбитым, — к краю венчика. Высота сосуда — 5 см, диаметр тулова — 7,5 см, диаметр уплощенного дна со скругленными краями — 5,7 см (рис. 9, 2).

Погребение 24 (рис. 9, 3). Находилось в ЮВ поле насыпи. Координаты точки привязки, расположенной к югу от скелета: ЦЮ — 7 м; ЦВ — 5,8 м. Погребение было обнаружено на глубине —224-238 см от R=0. Контуры могильной ямы не прослеживались.

Сохранность скелета взрослого человека удовлетворительная. Погребённый лежал скорченно на левом боку с сильным завалом на грудь, черепом на восток. Череп располагался на левом боку, лицевая часть была обращена к югу. Бедренные кости обеих ног были согнуты под острым углом к позвоночнику. В коленных суставах ноги были согнуты также под острым углом: бедренная кость правой ноги располагалась поверх коленного сустава левой ноги. Левая рука была вытянута перед туловищем к коленным суставам, её плечевая кость находилась под грудной клеткой. Кисть сильно загнута к колену правой ноги. Правая рука

была согнута в локте и лежала поверх предплечья левой. Её несохранившаяся кисть должна была находиться между плечом и лицом погребенного.

У затылочной кости черепа были найдены бронзовые подвески, напротив левого плеча скелета лежала бронзовая игла, а у нижней челюсти близ шейных позвонков — стеклянная бусина.

1. Фрагментированные парные височные спиральные подвески, свернутые из уплощенной бронзовой пластины. Диаметр 1,1 см, ширина пластины 0,2 см (рис. 9, 6-8).

2. Игла из тонкой бронзовой проволоки, один конец заострен, другой загнут, образуя ушко. Длина 8,4 см, диаметр проволоки 0,1 см (рис. 9, 4).

3. Бусина кольцевидной формы темно-коричневого стекла. Диаметр 0,7 см; высота 0,4 см (рис. 9, 5).

4. Стенка лепного толстостенного сосуда. Черепок сероватый в изломе, поверхность заглажена и имеет розоватый цвет. Тесто с примесью песка.

Погребение 37 (рис. 9, 10). Находилось в ЮЗ поле насыпи на глубине —185-196 см от R=0 в западной бровке. Координаты точки привязки, расположенной за костями таза скелета: ЦЮ — 5 м; ЦЗ — 8,5 м. Контуры могильной ямы не прослеживались. Верхняя часть погребения была срезана техникой с восточной стороны.

Сохранность скелета взрослого человека удовлетворительная. Погребенный был уложен скорченно на правом боку, головой на юго-восток. Ноги погребенного были согнуты в коленях под острым углом. Бедрa вытянуты вниз и уложены одно на другое. От рук сохранились лишь фаланги и кости плюсны, лежавшие перед костями тела.

Между костями рук и тела была обнаружена бронзовая игла длиной 7,1 см из проволоки диаметром 0,2. Один конец заострен, другой раскован и загнут, образуя ушко. (рис. 9, 9).

Таким образом, отобранные нами для публикации погребения из кургана 2 относятся ко времени перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Все эти

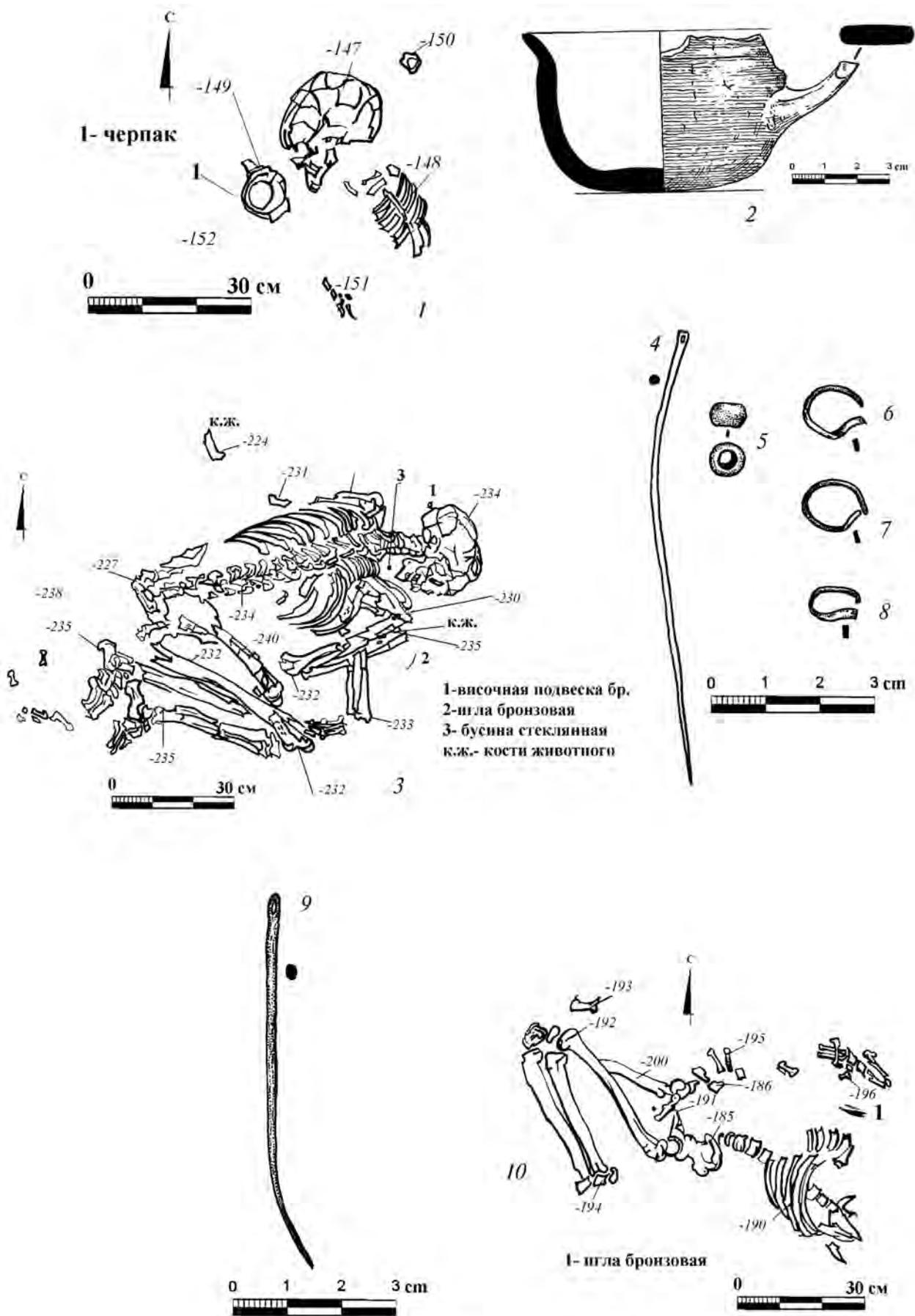


Рис. 9. Планы и находки из рядовых протогеотских погребений.
1-2 – погребение 14; 3-8 – погребение 24; 9, 10 – погребение 37.

погребения являются впускными в насыпь кургана эпохи бронзы. Для протомеотских погребений центрального (степного) варианта, куда следует отнести могильник Уашхиту, это достаточно редкое явление, поскольку погребальные комплексы здесь составляют памятники, подобные крупным бескурганному могильникам Пшиш-I и Николаевскому. В то же время, в других локальных вариантах протомеотских памятников (приморско-абинском и предгорном) протомеотские погребения, впущенные в курганы предшествующей эпохи, не столь уже редки (*Эрлих, 2007: 57, таб.1; 63*)².

В то же время, мы можем указать территориально близкие погребения, впущенные в насыпь эпохи бронзы, однако не протомеотской эпохи, а хронологически с ней соседствующие. Это погребения Михайловского могильника, традиционно относимые к финалу поздней бронзы – белозерскому времени, судя по встреченному здесь инвентарю. Однако нельзя гарантировать, что часть погребений этого могильника не доживает и до протомеотского времени. Одному из авторов этой статьи уже приходилось указывать на близость височной подвески в 1,5 оборота из погребения 7 кургана 11 подвеске из погребения 56 Псекупского могильника протомеотского времени; в погребении 21 кургана 12 Михайловского могильника найдено глиняное пряслице полусферической формы, также характерное для протомеотских памятников (*Эрлих, 2007: 28*).

С другой стороны, впускные погребения в курганы мы застаем уже в раннескифское время в Келермесском могильнике, где встречены как рядовые, так и

элитные погребения, впущенные в насыпи курганов эпохи бронзы. На этом сходстве мы остановимся подробнее ниже.

В трех из четырех публикуемых захоронений с протомеотским инвентарем в кургане 2 погребенные положены скорченными на боку. Мы ничего не можем сказать о положении погребенного в могиле 9, так как здесь костяк полностью был разрушен грабителями. Два погребения (п.14 и п.37) были правобочными, лишь один погребенный в п. 24 находился на левом боку. Следует отметить достаточно сильную степень скорченности в последнем погребении, что возможно коренится в определенной архаичности обряда, восходящего к погребениям срубного горизонта эпохи поздней бронзы в этом регионе (*Сорокина, 1995: 45; Сорокина, 2001: 162, 163*). По подсчетам одного из авторов этой статьи, для протомеотских погребений центрального варианта характерно приблизительно равное соотношение вытянутых и скорченных погребений, среди последних несколько преобладают скорченные на правом боку (*Эрлих, 2007: 60, таб.3*).

Впускные скорченные погребения как безынвентарные, так и с протомеотским инвентарем имели в этом кургане различную ориентацию: северо-западную (п.14), восточную-северо-восточную (п.24) и юго-восточную (п.37). Следует отметить, что для центрального варианта протомеотских памятников, куда можно географически отнести могильник Уашхиту, как, впрочем, для всех локальных вариантов протомеотских памятников, нет устойчивых ориентировок. В лучшем случае, они прослеживаются в пределах одного могильника. Так, например, северо-западная ориентировка

² В связи с этим нам непонятно утверждение Т.В.Рябковой, что курганный обряд не характерен для протомеотских памятников, а является исключительно инновацией, привнесенной скифами. Ею перечислены лишь 8 протомеотских погребений с курганным обрядом (основных и впускных) (*Рябкова, 2006: 122*), тогда как один Абинский могильник представлял собой 33 впускных погребения. В целом, в приморско-абинском локальном варианте известно не менее 49 впускных курганных погребений (*Эрлих, 2007: 57, таб.1*). При перечислении курганных погребений могильника Фарс /Клады Т.В. Рябковой не были приведены 6 погребений, впущенных в курганы № 24 и 25 эпохи ранней бронзы могильника «Клады» (*Лесков, Эрлих, 1999: 25-27*). В полемическом задоре Т.В.Рябкова упомянула лишь одно протомеотское впускное погребение в публикуемом нами кургане, хотя в публикации, на которую она ссылается, нами сказано о четырех погребениях с протомеотским материалом (*Эрлих и др., 2006: 209, 210*). Таким образом, погребения, совершенные по «курганному» обряду, занимают значительный процент среди протомеотских погребений, а среди погребений приморско-абинского варианта они просто преобладают.

характерна для грунтового могильника Пшиш, а ориентировка в южный сектор — для Николаевского и Кубанского могильников. Восточная и северо-восточная ориентировки редки для степных протомеотских могильников (Эрлих, 2007: 61, табл.5). Лишь в Кубанском могильнике встречено более 20% погребений с восточной ориентировкой. В то же время, уже упомянутый выше Михайловский могильник также не отличался устойчивостью погребального обряда, в том числе и ориентировок. В двух случаях здесь погребенные лежали головой на восток и северо-запад, в трех — на юго-восток и северо-восток, по одному случаю на юг и юго-запад (Шарафутдинова, Каминский, 1988: 218, 219).

В погребениях также наблюдается и определенная связь между позой погребенного и составом инвентаря, характерная для протомеотских погребений. Если погребение 14 совершено с черпаком — инвентарем нейтральном по отношению к полу погребенного, то два погребения с иглами, бусиной и височными подвесками (т.е женским инвентарем), сочетаются со скорченным обрядом, что является признаком характерным для протомеотских погребений. Следует отметить также, что в протомеотских могильниках Центрального варианта большинство безынвентарных погребений также, как правило, скорченные (Эрлих, 2007: 61, таб.4). Однако, до получения надежных радиоуглеродных дат для всех остальных безынвентарных скорченных погребений кургана Уашхиту мы не можем отнести их все к началу железного века.

Таким образом, три рядовых погребения с протомеотским инвентарем из кургана к.2 могильника Уашхиту I, с одной стороны, обладают всеми обрядовыми признаками, не выбивающимися из общего ряда признаков протомеотских погребений, с другой стороны, мы можем указать на некоторую «архаичность» этих погребений, которая, на наш взгляд, коренится в близости этих погребений с погребениями Михайловского могильника, безусловно, восходящего к эпохе финальной бронзы (белозерскому времени).

Особо следует рассмотреть обрядовые признаки элитного погребения воина-

колесничего (п.9). Несмотря на ограбление и разрушение этого погребения, мы можем предположить, что оно было совершено в огромной яме, вырытой на вершине кургана, возможно, имевшей внутри деревянное сооружение, остатки которого были нами прослежены на уровне, превышающим приблизительно на 10 см уровень дна ямы, на котором, к востоку от него, лежала упряжка лошадей. Следы органического тлена, предположительно древесного, были прослежены и при расчистке самой упряжки. Необходимо заметить, что направление плах шло с севера на юг, что возможно показывает направление перекрытия. Если принимать в расчет эти остатки перекрытия и лошадь, лежавшую на востоке, на уступе ямы высотой около 70 см, то размеры ямы должны быть не менее 7 м по линии З-В и 6 м по линии С-Ю. Перекрытие такой ямы, скорее всего, потребовало дополнительных подпорных столбов, однако последние прослежены не были, поскольку сохранность органического материала в верхней части насыпи оставляла желать лучшего.

Как мы указывали, с востока на уступ, находившийся на высоте около 60 см от уровня дна погребальной ямы, была положена сопровождающая лошадь (КП-1). Принадлежность ее этому погребению подтверждает южная ориентация, такая же, как у лошадей колесничной упряжки. Отметим, что лошади, лежащие на уступах или «заплечиках» выше уровня самого погребения встречаются в протомеотских погребениях — например, в могильнике Фарс или Кубанском (где была положена шкура) (Лесков, Эрлих, 1999: 34; Анфимов, 1971: 172; Анфимов, 1975: 37). В то же время, и в курганах Келермесского могильника достоверно зафиксированы сопровождающие конские погребения, лежавшие на краю могильной ямы, например, в кургане № 24, сопоставляемом исследователями с курганом 3 или 4, раскопанным Д.Г.Шульцем (Галанина, Алексеев, 1990: 41, рис. 4). Разрозненные кости коней обнаружены на западном и южном краях могильной ямы при повторном исследовании кургана 31 этого могильника, отождествляемого с курганом 2 Н.И.Веселовского (Алексеев, Кузнецова, 2001: 80, 84).

Упряжка, состоящая из четверки коней, находившаяся на дне впускной ямы была ориентирована на юг. Точно такую же ориентацию имела и упряжка колесницы, находившаяся в большой яме под насыпью кургана 1 (Эрлих, 1994: 136, 137, рис. 2, 3). Такое же направление, но с небольшим отклонением к востоку имела и разрушенная колесничная упряжка из кургана 46 могильника Клады (Лесков, Эрлих, 1999: 132, рис.40). Четверка колесничной упряжки в кургане 2 могильника Хаджох имела восточную ориентировку (Сазонов, 2000: 59, рис.3). Таким образом, три из четырех достоверно зафиксированных колесничных упряжек протомеотского времени имеют южную ориентировку. Скорее всего, преобладание южного направления не является случайным. Отмечалось также, что находки комплектов упряжи «новочеркасских колесниц» как в Закубанье, так и в других регионах юга Восточной Европы встречаются чаще в южных полах курганов, и находятся к югу от места, где располагался погребенный (Эрлих, 1994: 148; 1994а: 48, 49). Очевидно, что южное направление, ставшее в меотском обряде в раннескифское время доминирующим, имели и погребения самих колесничих, к сожалению, всегда подвергавшихся разграблению и разрушению, и ни разу не дошедшие до нас *in situ*³. Мы полагаем, что ориентировка колесничих была такой же, как и у самой упряжки, по аналогии с протомеотскими и меотскими погребениями всадников, которые всегда и ориентированны так же, как и лошадь.

Лошади в колесничной упряжке в погребении 9 лежали попарно, оставляя небольшой промежуток между второй и третьей лошадьми. Подобные промежутки зафиксированы и в расположении упряжки из кургана 1 этого же могильника, а также у лошадей из кургана 2 могильника Хаджох (Эрлих, 1994: 137, рис.3; Сазонов, 2000: 59, рис.3). Очевидно, что такая укладка лошадей обусловлена припряжением к несохранившемуся реальному или (скорее всего)

символическому центральному дышлу. В кургане 1 Уашхиту и в кургане 2 Хаджох встречены и специальные детали — кольца с подвижными муфтами, а в кургане 1 Уашхиту еще и трехпрорезные проижи, служившие для прикрепления ярма к дышлу колесницы. В рассматриваемом нами комплексе подобные детали отсутствуют. Возможно, они были ременными либо отсутствовали вовсе, и в погребение был положен неполный комплект колесничной упряжи.

Входящая в состав погребения 9 бронзовая ситула, как и кургане 1, также находилась к северу от костей лошади. В кургане 1 одна из ситул находилась между ямок с колесами, строго по центру упряжки (Эрлих, 1994: 136, 137, рис. 2, 3). В рассматриваемом нами погребении ситула немного смещена к западу.

Остановимся подробнее на погребальном инвентаре публикуемых погребений.

Посуда в протомеотских комплексах кургана представлена керамическим черпаком из погребения 14, фрагментами лепного сосуда и бронзовой ситулой из погребения 9.

Керамический сероглиняный черпак со слабовыпуклым туловом (рис.9, 2) может быть отнесен к черпакам второй группы, наиболее многочисленной среди протомеотских черпаков. Подобные черпаки бывают как с ручками, имеющими «рогатые» выступы (поздний признак), так и без них (ранний признак). В данном случае часть ручки, которая могла бы иметь выступы — отсутствует (Эрлих, 2007: 75, 76). Орнаментация в виде врезной горизонтальной линии, подчеркивающей венчик, встречена в могильниках центрального варианта в погребениях 20 и 22 Николаевского могильника, в погребении 51 могильника Пшиш и в других комплексах (Анфимов, 1961: 110, рис.4; Сазонов: 1995, 106, рис.9, 1). Для протомеотских черпаков такая орнаментация считается относительно ранним признаком (Эрлих, 2007: 79).

³ Очевидно, как и в кургане 1, ограбление погребения 9 кургана 2 могильника Уашхиту произошло вскоре после его совершения. Грабители хорошо знали, где был расположен сам погребенный и не тронули упряжку и ситулу.

Фрагменты керамики, являющиеся частью дна и стенок крупного чернолощеного сосуда – корчаги? Орнамент, имеющийся на стенках, представляет собой заполненные косой штриховкой полосы, сходящиеся под прямым углом. Подобная орнаментация сосудов появляется в Закубанье еще в эпоху финальной бронзы и встречена, например, в нижнем кобьяковском слое поселения Красногвардейское II (*Шарафутдинова, 1989: 65, рис. 4, 8, 12*). В протомеотское время сосуда с подобной орнаментацией известны в верхнем слое поселения Красногвардейское II, в Серегинском и Курджипском поселениях (*Эрлих, 2007: рис. 86, 11; 87, 1, 3, 6; 124, 5*). Обломки крупного чернолощеного сосуда с подобной орнаментацией имеются и в эрмитажной коллекции Келермесского кургана 1, раскопанного Н.И.Веселовским (*Галанина, 1997: 233, кат.104*).

Бронзовую ситулу из погребения 9, как и ситулы из кургана 1 этого могильника, можно отнести к типу 1 бронзовых сосудов, встречающихся в Закубанье в предскифское-раннескифское время (*Эрлих, 2007: 82, 83*). Они склепаны из бронзового листа. Заклепки проходят вдоль шва сосуда сверху донизу. Несколько заклепок имеется и на кольцевом поддоне. Тулово сосуда реповидное, заканчивающееся слабоогнутым венчиком. Сосуды имеют две литые «ушастые» ручки, крепящиеся двумя концами к плечикам сосуда.

Этот тип бронзовой ситулы с «ушастыми» ручками был наиболее популярным на Северном Кавказе как в позднейшее предскифское, так и раннескифское время. В протомеотских памятниках Северо-Западного Кавказа, помимо трех сосудов найденных в Уашхиту, ситула этого типа известна также в могильнике Пшиш-I, в конском погребении 110 (*Сазонов, 2004: 397, рис.; Эрлих, 2007, рис.66, 32*). Последнее, очевидно, продолжает традицию конских жертвоприношений, характерных для ранней группы комплексов этого памятника (*Сазонов, 1995*). В этом комплексе другого сопровождающего лошадей инвентаря не обнаружено, однако, поскольку в могильнике Пшиш-I пока нет комплексов, надежно датирующихся раннескифским

временем, мы этот сосуд также можем отнести к предскифскому времени. Не ясна хронологическая позиция крупного бронзового сосуда этого типа из района аула Уляп, найденного местными жителями в реке Лаба и ныне хранящегося в Государственном музее Востока (*Сокровища курганов Адыгеи, 1985: кат.113; I Tesori, 1990: cat. 49*). Этот прекрасно сохранившийся сосуд имеет довольно внушительные размеры – высоту 43 см, при максимальном диаметре тулова 47 см. Из района аула Уляп происходит также «ушастая» литая бронзовая ручка от сосуда этого типа, которая хранится в фондах Государственного музея Востока (рис.10).

Остальные сосуда этого типа найдены на Северо-Западном Кавказе уже в комплексах раннескифского времени. Из Келермесского кургана № 2, раскопанного Н.И.Веселовским, происходят две ручки высотой 8 см с сохранившейся частью бронзового тулова (*Галанина, 1997: таб. 40, 27*). Фрагмент тулова и венчика подобного сосуда с «ушастой» ручкой открыт и в богатом впускном всадническом погребении раннескифского времени этого же могильника – п. 5 кургана 19 (*Галанина, Алексеев, 1990: 46, рис.9, 11*). К раннекелермесскому времени, судя по встреченному здесь набору наконечников стрел, относится и бронзовый сосуд этого типа из п.1 кургана 4 Холмского могильника. Этот сосуд выделяется высоким кольцевым поддоном, высота которого достигает 7 см. (*Василиненко и др., 1993: 29, таб. XIV, 1*). Этот же тип бронзовых сосудов распространен в позднейшее предскифское и раннескифское время в других областях Северного Кавказа и в Украинской Лесостепи. Впервые сосуда этого типа были включены в сводку бронзовой посуды кавказского производства, сделанную Е.И.Крупновым при публикации Жемталинского клада (*Крупнов, 1952: 22-27*). Сейчас к четырем бронзовым ситулам, происходящим из курганов Украинской Лесостепи, добавился сосуд, найденный в предскифском кургане Квитки (*Ковпаненко, Гупало, 1984: 49, рис. 9, 46*). Пополнилась и коллекция этих сосудов на Северном Кавказе, причем из надежно датируемых комплексов. Помимо указанных

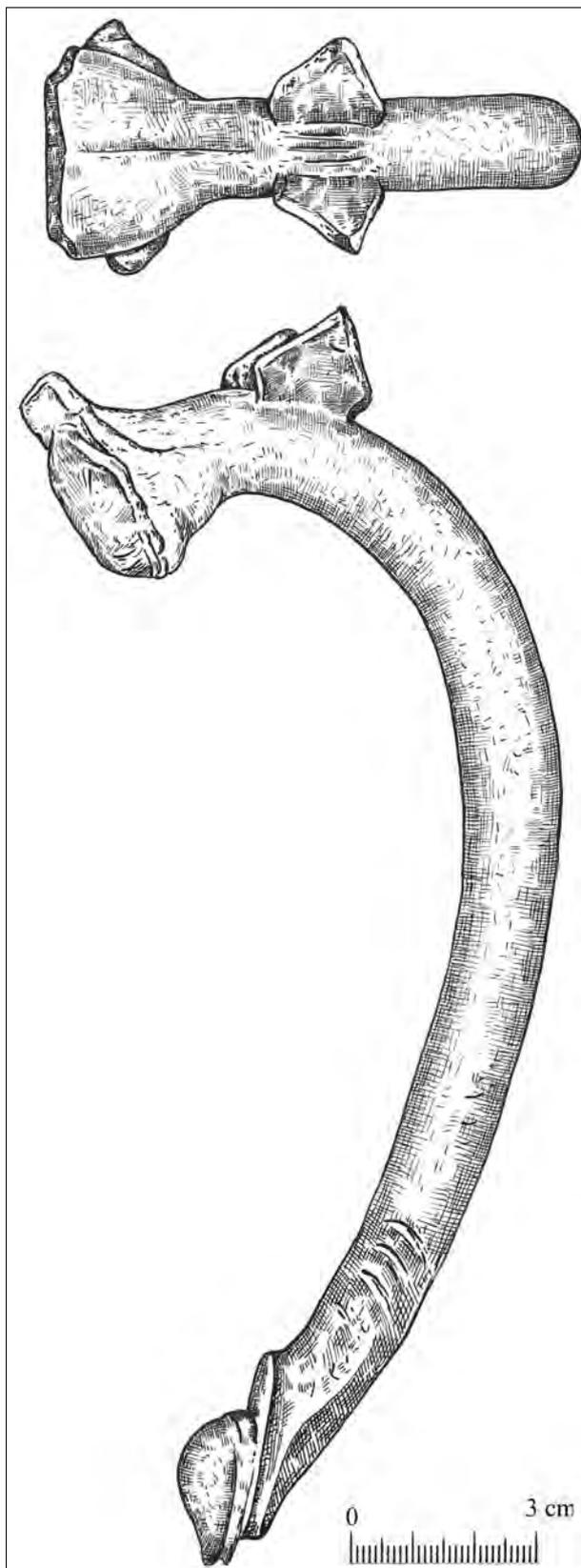


Рис. 10. Ручка бронзовой ситулы из аула Уляп. Случайная находка.

закубанских находок сюда следует отнести ситулы из 1-го Краснознаменского кургана, кургана 20 могильника Нартан, и

гробницы 3 могильника Терезе (Петренко, 1983: 46; Батчаев, 1985: табл.48, рис.41; Козенкова, 1989: 187, табл. XL, рис.3; Козенкова: 2004: табл.12). По нашему мнению, наиболее ранним из упомянутых комплексов является гробница 3 могильника Терезе, в которой обнаружена узда предклассического времени, дату которой мы определяем в пределах последней четверти VIII в. до н.э., а к наиболее поздним относятся ситулы келермесского могильника из кургана № 2 Веселовского и п. 5 кургана 19, а также сосуд из кургана 20 Нартановского могильника и ситула из Холмского, датировать которые мы можем в пределах третьей четверти-второй половины VII в. до н.э. По своей форме и технологии изготовления ситулы предскифского и раннескифского времени практически ничем не отличаются. Визуальный их осмотр показывает, что для изготовления дна и ручек используются одни и те же технологические приемы. Так, например, ситулы из Терезе, Уашхиту, Уляпа имеют на дугах литых ручек с внешней стороны округлый выступ от литника, точно такой же выступ — след от литника имеется и на в месте перегиба ручки ситулы из Холмского и погребения 5 кургана 19 Келермесского могильника (Василиненко и др., 1993: табл. XIV, 1; Галанина, Алексеев, 1990: 46, рис.9, 11). Функционально ситулы с зооморфными ручками, очевидно, могли использоваться для приготовления пищи, в частности варки мяса. Так, например, в кургане 1 Уашхиту в ситуле, стоявшей в углу погребальной площадки, была обнаружена специальная железная вилка, для доставания мяса из котла (Эрлих, 1994а: 23, табл. 5, 45). В.И.Козенкова отмечает, что ситула из Терезе была густо покрыта копотью, что говорит о ее использовании в качестве котла (Козенкова, 1998: 109; 2004, 96). О долгом использовании ситул, до того как они попали в комплекс, свидетельствуют и часто встречающиеся на них «заплаты» — следы ремонта. Помимо ситулы из публикуемого комплекса, подобные «заплаты» прослеживаются на ситулах из Уляпа, могильника Пшиш-I, Жаботина, Тырнауза в Баксанском ущелье, а также на знаменитой «вазе» из Жемталы (Крупнов, 1952: табл. IV, 2, с.19, рис. 1, 4; Эрлих, 2007: рис.66, 32; 146, 1).

В то же время, нельзя не отметить и «престижность» этих сосудов, которые входят в наиболее богатые воинские и ритуальные комплексы. Л.К.Галанина и В.Р.Эрлих полагают, что центром производства этих сосудов, как прочей бронзовой посуды кавказского производства, являлись южные склоны Центрального Кавказа. Именно там развивалась долговременная традиция производства бронзовой посуды, огромное количество которой найдено в Тлийском могильнике (Галанина, 1997: 150; Эрлих, 2007: 84). Здесь же прослеживаются и все технологические и стилистические особенности, которые мы находим у северокавказской бронзовой посуды. В то же время, крупные сосуды, котлы-ситулы первого типа с зооморфными ручками, которые использовались в военных походах северокавказской элитой предскифского времени, непосредственно в Тлийском могильнике не встречены. Это отмечалось в свое время и Б.В.Теховым (Техов, 1977: 74). Вероятно, эти сосуды не использовались населением, оставившим могильник Тли, а изготавливались местными ремесленниками специально для северокавказской элиты в период походов предскифского – раннескифского времени (см. Эрлих, 2007: 84).

Четыре однотипных уздечных набора, использовавшихся в упряжи колесницы в погребении 9, представляют собой **бронзовые двукольчатые удила** (тип I) с односторонним двурядным рифлением в виде квадратиков и четыре пары классических новочеркасских псалиев. Такие же точно удила (трое из четырех) были встречены и в первом кургане Уашхиту (Эрлих, 2007: рис. 80, 3, 10; 81, 2). Двукольчатые удила с подобным рифлением, характерные для комплексов «классического» новочеркасского периода, предгорного и центрального вариантов протомеотских памятников, широко распространены в западном варианте кобанской культуры, известны они также за пределами Северного Кавказа в степной и лесостепной части Восточной Европы, куда попадают в результате походов кавказцев «киммерийского» времени (Эрлих, 1994a: 89-90; 2007: 117).

Классические «новочеркасские» псалии (тип IV по В.Р.Эрлиху), встреченные в

этом кургане, представляют собой самый популярный и наиболее распространенный на юге Восточной Европы тип предскифских псалиев кавказского производства, получивших свое название по находке в Новочеркасском кладе 1939 г. (Иессен, 1953). Сейчас известно более 60 только комплексных находок таких псалиев (по подсчетам С.Б.Вальчака 2003 г.: более 70 уздечных комплектов, из них более 40 достоверных), жестко коррелирующихся с двукольчатыми удилами, имеющими гладкие стержни или поздние виды рифления (Эрлих, 1994: карта I, табл.12; Вальчак, 1997a: 100).

Шесть крупных бронзовых блях с солярными знаками-«ромбами» в центре и петлей на обороте, встреченные в погребении 9 имеют ближайшие аналогии среди блях упряжки кургана 1, где обнаружено шесть практически идентичных блях (Эрлих, 1994: рис.1, 4, 5, 11, 12, 30, 31; Эрлих, 2007: рис. 81, 4, 6, 13-16). Известны подобные бляхи, но с более массивной петлей и в кургане 2 у поселка Хаджох в двух упряжках по 2 экз. (Сазонов, 2000: рис. 4, 7; 6). По видимому, бляхи этого типа (тип 12, по В.Р.Эрлиху) использовались исключительно в колесничных упряжках (Эрлих, 2007: 135, 136). Судя по расположению этих блях на костях лошадей в курганах 1 и 2 могильника Уашхиту I, в конской упряжи они связаны с внешними – пристяжными лошадьми (Эрлих, 1994: 38). Полные аналогии этим бляхам за пределами протомеотских памятников нам не известны. Морфологические особенности как блях, так и удила из двух курганов могильника Уашхиту позволяют предполагать их производство, по меньшей мере, в одной мастерской, если вообще не одним мастером.

Два браслетообразных кольца, обнаруженных в упряжи из погребения 9, также практически идентичны таким же кольцам из кургана 1. Они относятся ко второму варианту браслетообразных колец без привесок, являющихся деталями – индикаторами колесниц (Эрлих, 2004; Эрлих, 2007: 144; Вальчак, 1997b). В Закубанье кольца этого варианта также происходят из комплекса в окрестностях ст. Ильской в Краснодарском крае, случайная находка подобного

кольца, хранящаяся в фондах ГМИНВ, обнаружена в устье реки Псекупс (*Эрлих, 1994а: таб.9, 8; 32, 6; Хачатурова и др. 2001: 206, 207, рис. 5*). Аналогиями этим кольцам за пределами Северо-Западного Кавказа, по-видимому, следует считать, фрагменты плоских железных колец колесничного комплекса из с. Радушинка в Саратовской области, названные автором «фрагментами обручей» (*Тихонов, 2000: 150; 151, рис. 21, 20, 21*). Как и в упряжке кургана 1 могильника Уашхиту-I браслетообразные кольца в упряжке колесницы из погребения 9 кургана 2 обнаружены на костях внешних пристяжных лошадей, и, по-видимому, они связаны с внешними ремнями колесничной упряжки – постромками (*Эрлих, 1994: 46, 47*).

Орудия труда в публикуемых нами комплексах представлены бронзовыми иглами, обнаруженными в погребениях 24 и 37. Бронзовые иглы достаточно часто встречаются в протомеотских памятниках, например, в четырех погребениях могильника Фарс, в Николаевском могильнике (погребения 13 и 7), в могильнике Пшиш-I (погребения 69, 94, 108), в Геленджикских дольменах – 3 экз (*Эрлих, 2007: 155, 156*). Визуальный осмотр игл из могильника Уашхиту позволил отнести их к второму типу протомеотских игл с загнутым одним концом, образующим петельку-ушко, которое затем проковывалось (*Эрлих, 2007: 155*). Иглы этого типа встречены в Николаевском могильнике в погребениях 5 и 13 (*Анфимов, 1961: табл. IV, 7, 8*), а также в п. 13 и 37 могильника Фарс (*Лесков, Эрлих, 1999: рис.60, 20, 21*). За пределами протомеотской группы иглы известны в кобанских памятниках, где они имеют ушки, изготовленные двумя способами. Иглы, аналогичные протомеотскому типу 2, происходят из разрушенных погребений могильника 2 у Лермонтовской скалы в Пятигорье, из слоя поселения Сержень-Юрт в Чечне (*Козенкова, 1982: 150, табл. III, 23, 24, 30; 1998: 14, 159, табл. III, 6, 7*), встречаются они и в памятниках Нижнего Дона. В то же время, для западного варианта кобанской культуры характерны и иглы с отверстием, пробитым в раскованной головке (*Козенкова, 1998: 14, табл. III, 3-5, 8, 9*).

Иглы в предскифское время известны и степях Северного Причерноморья, например, в погребении Черногоровского кургана (*Тереножкин, 1976: 67, рис. 35, 9*). Хотя О.Р. Дубовская считает, что подобный элемент инвентаря черногоровских погребений связан с предшествующими культурами степной бронзы (*Дубовская, 1993: 142; 157, рис.77, 21*), в памятниках финальной бронзы Северо-Западного Кавказа иглы не известны. В связи с этим мы достаточно уверенно относим погребения с иглами в могильнике Уашхиту к протомеотскому времени. Нельзя не отметить, что в меотских погребениях железные и бронзовые иглы являются характерным предметом инвентаря на протяжении всего времени существования культуры вплоть до первых веков н.э. (*Анфимов, 1951: 188, 201*).

Бронзовые височные спиральные подвески погребения 24 из тонкой раскованной проволоки можно сопоставить с протомеотскими спиральными подвесками первого варианта первого типа (*Эрлих, 2007: 161, 162*). Такие подвески, изготовленные из уплощенной бронзовой проволоки (ленты), происходят из погребения 56 Псекупского могильника, погребения 19 кургана 1 Абинского могильника и п. 100 могильника Пшиш I, а также из слоя Курджипского поселения (*Ловпаче, 1985: 39, табл. X, 5; Анфимов, 1981: рис. 18; Сазонов, 1992: рис.3, 10; Сазонов 1994: табл.53, 9; Сазонов, 2004: 396, рис. IV*). Спиральная уплощенная подвеска в 1,5 оборота происходит и из погребения 7 кургана 11 Михайловского могильника, отнесенного Э.С.Шарафутдиновой и В.Н. Каминским к эпохе финальной бронзы, однако весьма близкого по обряду к публикуемым комплексам (*Шарафутдинова, Каминский, 1988: 217, рис.2, 1*).

Не противоречит протомеотской атрибуции погребения 24 и встреченная здесь стеклянная бусина. Стеклянные бусы и бисер на юге Восточной Европы начинают достаточно часто встречаться уже в памятниках поздней бронзы. Стеклянный бисер обнаружен в памятниках ранней группы кобанских могильников (*Техов, 1977: 179, рис. 117, 22-35*). Он известен в Степи как в черногоровских памятниках, так и в предшествующее белозерское время (*Тереножкин,*

1976: 62-63, рис.31, 5; Дубовская, 1993: 157, рис. 77; Кубышев, Черняков, 1986: 153). Крупные стеклянные бусины известны и в протомеотских погребальных памятниках. Из погребений 10 и 39 могильника Фарс происходят стеклянные бусины округлой формы голубоватого и белого стекла (Лесков, Эрлих, 1999: рис. 61, 10, 11). Бусина кольцевидной формы происходит из п. 46 могильника Пшиш (Сазонов, 1991).

Хронология и культурно-историческая интерпретация памятника.

Таким образом, завершение исследования могильника Уашхиту-I продемонстрировало разнообразие и неустойчивость погребального обряда времени перехода к раннему железному веку даже в пределах одного памятника. Из пяти погребений этого могильника, достоверно по имеющемуся материалу относящихся к переходу от эпохи бронзы к раннему железному веку, можно выделить, по крайней мере, три варианта обряда.

Впускные скорченные рядовые погребения с различной ориентировкой, впущенные в южную полу кургана.

Элитное погребение воина-колесничего, впущенное в центр кургана эпохи бронзы, с наиболее вероятной южной ориентировкой, колесничной упряжкой, бронзовой ситудой и сопровождающим конским захоронением, лежащим на уступе.

Основное подкурганное погребение вождя-колесничего, совершенное в большой яме с шатровым перекрытием под курганной насыпью (курган 1).

Мы ничего не можем сказать о последовательности и точной дате первой группы погребений, которую вынуждены датировать широко, в рамках всего протомеотского периода от конца IX до первой половины VIII вв. до н.э. Скорее всего, выборка протомеотских погребений после получения радиоуглеродных дат по безынвентарным погребениям кургана 2 несколько возрастет.

Два элитных захоронения вождей-колесничих мы можем достаточно точно соотносить с определенными горизонтами протомеотской группы памятников. Так, курган 1 относится по присутствию в

уздечных наборах трехдырчатых псалиев типа «Уашхиту-Жаботин» к раннежаботинскому горизонту протомеотских памятников (Эрлих, 2007: 179, 180), который характеризуется как переходный от классического новочеркасского к раннекелермесскому периоду и синхронизируется с РСК-I (Kossak, 1987; Медведская, 1992: 86-97). Мы датировали этот горизонт в пределах первой половины VII в. до н.э. (Эрлих, 2007: 187).

Подавляющее большинство наборов тягловой упряжи (более 30) встречено в комплексах с бронзовыми двукольчатыми удилами и трёхпетельчатыми псалиями типа Новочеркасск (по классификации С.Б.Вальчака) – характерными для уздечек финального этапа предскифского периода. В пяти комплексах присутствуют уздечные комплекты с псалиями типа Уашхиту-Жаботин и Жаботин 524, которые занимают несколько более позднюю хронологическую позицию. Лишь в одном случае, в кургане 6 Краснознаменского могильника на Северном Кавказе, детали упряжи встречены в комплексе только с трёхпетельчатыми псалиями типа Келермес (Петренко В.Г., 2006).

Такое распределение позволяет говорить о внезапном и массовом появлении в Восточной Европе наборов тягловой упряжи (очевидно колесничной) на позднейшем этапе предскифского периода (с конца VIII в. до н.э.). Связывать это событие можно только с военными рейдами киммерийского времени в Закавказье. Можно констатировать полное прекращение производства подобных изделий в Восточной Европе не позднее 2-й половины VII в. до н.э., а также, исчезновение традиции «захоронения» колесниц и наборов их упряжи в памятниках собственно ранних скифов (Вальчак, 2008: 24, 25).

Уздечные наборы упряжки колесницы погребения 9 кургана 2 позволяют убедительно отнести их к классическому новочеркасскому горизонту протомеотских памятников, который датируется, по нашим представлениям, временем близким к концу VIII в. до н.э. (Эрлих, 2007: 178, 179, 187). В то же время близость упряжи из этих двух погребений с колесницами наглядно свидетельствуют о весьма незначительном

хронологическом разрыве между ними. Об этом говорит практически полная идентичность удил, блях и деталей тягловой упряжи обеих колесничных упряжек, на которую мы указали выше. Таким образом, это лишнее свидетельство об отсутствии большого хронологического разрыва между новочеркасским периодом и раннескифским (Скаков, Эрлих, 2005; Эрлих, 2007: 185; ср. Иванчик, 2001).

Помимо близости радиоуглеродных дат кургана 1 могильника Уашхиту с памятниками раннескифского времени (Алексеев et al., 2000: Tab. 1, 2; Алексеев, 2004: 202-203, Эрлих, 2007: 186, табл. 9) весьма ярким примером могут быть и другие атрибуты местной элиты — бронзовые ситулы центральнокавказского производства, которые практически не изменяются начиная с новочеркасского периода вплоть до раннескифского. Эти «статусные» вещи отнюдь не являлись исключительной принадлежностью курганных погребений (ср. Рябкова, 2006: 126), поскольку встречены в грунтовых протомеотских могильниках Пшиш и Кубанский. В то же время, они позволяют сопоставить курганы Келермесского могильника и могильника Уашхиту. Впускное элитное погребение с бронзовой ситулой, южной ориентировкой, сопровождающееся конскими захоронениями было выделено Л.К. Галаниной и А.Ю. Алексеевым в третью обрядовую группу Келермесса (Галанина, Алексеев, 1990: 43-47; Галанина, 1997: 97). К этому погребению примыкает и погребение 3 кургана 15, опубликованное позже, в котором также был обнаружен котел-ситула (Алексеев, 2003: 385-388, рис. 13-16). В целом эти погребения вместе с другими впускными всадническими захоронениями этого могильника из курганов 15 и 16 (погребения 15/5, 16/5; 16/12) (Алексеев, 2003: 389-392, рис. 17-20) входят в группу аристократических погребений Келермесского могильника, имеющих протомеотский генезис, что признает и его исследовательница Л.К. Галанина (1997: 97). Предположительно к этому же типу погребальной конструкции Л.К. Галанина и А.Ю. Алексеев отнесли и самое богатое погребение могильника, обнаруженное в кургане 1 Д.Г. Шульца (Галанина,

Алексеев, 1990: 53), которое, по их мнению, было, скорее всего, впускным.

Один из авторов данной статьи привел серию аргументов в доказательство того, что все обрядовые группы Келермесского могильника имеют прототипы среди погребений протомеотской группы памятников. Само появление этого могильника в Закубанье не является следствием радикальной смены культуры, вызванной притоком нового населения, а скорее показывает результат трансформации общества при переходе к железному веку. На завершающей стадии этого этапа протомеотское население было включено в общекавказский процесс роста социальной дифференциации, выделения воинской элиты, совершавшей военные походы, как в Закавказье и Переднюю Азию, так и степную и лесостепную части юга Восточной Европы (Эрлих, 2005). В результате этого, еще в предскифское время возникают погребения под индивидуальной насыпью. Нам известно не менее шести таких курганов протомеотской элиты. Среди погребений Келермесского могильника к подобным можно отнести курганы 24 и 31, имевшие подпрямоугольную яму. Именно эти погребения Т.В. Рябкова связывает со скифским этносом, выводя их почему-то из степей междуречья Кубани и Дона, признавая, однако, что степные комплексы «бедны инвентарем, основные погребения редки» (Рябкова, 2006: 124) (хотя речь идет о генезисе особой в социальном отношении аристократической группы).

Приводя аргументы, отрицающие связь подкурганных погребений Уашхиту и Келермесса, поскольку у первого имелась шатровая деревянная конструкция, а у Келермесских погребений на выкиде лежал спускавшийся в яму камыш, очевидно также находившийся на каком-то перекрытии, Т.В. Рябкова забывает почему-то упомянуть и другие подкурганные погребения Закубанья келермесского времени, где присутствуют шатры, перекрытия ям и столбовые конструкции, которые приводились в качестве дополнительной аргументации (Эрлих, 2005, 321). Очевидна нам также связь рамы-оградки погребальных площадок в кургане 1 Уашхиту I и кургане

31 Келермеса (Эрлих, 1994а: 23, табл. 2; Алексеев, Кузнецова, 2001: 79–81, рис.9).

Таким образом, Могильник Уашхиту I, по нашему мнению, является своего рода предтечей Келермесского могильника, несколько предшествующим последнему во времени. Здесь встречены и рядовые погребения, и аристократические впускные погребения, и погребения вождей в прямоугольной яме под индивидуальной насыпью. Отсутствуют, правда, подкурганые ритуальные комплексы, имеющиеся в Келермесе (обрядовая группа второго типа, по Л.К.Галаниной) (Галанина, 1997: 72).

Могильник Уашхиту I, как, впрочем, и ряд других могильников протогеотской группы (Фарс/Клады, Хаджох, Чишхо), наглядно демонстрирует, что «аристократические усыпальницы» Келермесского могильника не «являются инновацией на данной территории» (ср. Рябкова, 2006: 126). «Аристократические усыпальницы», явившиеся результатом выделения местной воинской элиты во время походов, в том числе в Закавказье и Переднюю Азию, появляются в местной среде еще задолго до начала сложения Келермесского могильника. В связи с этим, несколько удивительным выглядят сейчас попытки выделения «до походных» и «после походных» участков этого могильника (Alexseev, 2007; Алексеев, 2008). Вероятно, в развитие этого тезиса была предложена идея о местном (вероятно кавказском, поскольку именно там встречены наиболее ранние образцы новочеркасского времени) генезисе панцирного доспеха, всегда считавшегося переднеазиатским заимствованием (Рябкова, 2008).

В то же время, появляются новые доказательства и у сторонников версии

«докелермесских» походов киммерийского времени, основным «слабым звеном» которой было практически полное отсутствие вещей «новочеркасского» культурного комплекса к югу от Кавказского хребта. Со всем недавно вдобавок к упряжному кольцу из Норшун-Тепе в могильнике Джантух в Восточной Абхазии (Ткварчалский район) был обнаружен бронзовый диск сегментовидного сечения с обломком стержня на оборотной стороне. Вполне вероятно, что он является фрагментом привески на кольце или сдвоенной бляхи (по: Эрлих, 2007: 143–145; или скобы-соединителя, по: Вальчак, 2008: 24), т. е., детали упряжи новочеркасской колесницы (Скаков, Джонсуа, 2008: 70, рис. 1, 14).

Следует отметить, что и многочисленные бронзовые ситулы, столь популярные у элиты предскифского и раннескифского времени, центр производства которых находился на южных склонах Кавказа, также могут быть рассмотрены с одной стороны, как свидетельства транскавказских военных походов, а с другой — как свидетельства «общекавказской кооперации», поскольку эти вещи делались, скорее всего, «на заказ».

Завершая нашу публикацию, отметим, что в решении «киммерийской» и «раннескифской» проблем остается еще много спорных вопросов, новые открытия и новые интерпретации старых комплексов, сделанные в конце века прошлого и в начале века нынешнего, позволили значительно продвинуться вперед. Немалая заслуга в этом принадлежит и нашему сегодняшнему юбиляру — С.А.Скорому, которому авторы желают крепкого здоровья и новых сенсационных находок.

Литература

Алексеев, 2003 — Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб, 2003.

Алексеев, 2004 — Алексеев А.Ю. Некоторые проблемы раннескифской хронологии: археология и радиоуглерод. // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.

Алексеев, 2008 — Алексеев А.Ю. «Старшие» келермесские курганы. // Труды II (XVIII)

Всероссийского археологического съезда в Суздале, М., 2008. т. II.

Алексеев, Кузнецова, 2001 — Алексеев А.Ю., Кузнецова Т.М. Келермес (1990 г. — курган № 31). // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки // МИАР, 2001. № 3.

Анфимов И., 1981 — Анфимов И.Н. Древнегеотский могильник близ г.Абинска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.

- Анфимов, 1951* — Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у ст.Усть-Лабинской // МИА, 23, М-Л., 1951.
- Анфимов, 1971* — Анфимов Н.В. Сложение меотской и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. 177.
- Анфимов, 1975* — Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры могильник у хут. Кубанского // Скифский мир. Киев, 1975.
- Батчаев, 1985* — Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. II. Нальчик, 1985.
- Вальчак, 1997a* — Вальчак С.Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпестельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997.
- Вальчак, 1997b* — Вальчак С.Б. Предскифские колесницы и «новочеркасские клады» (некоторые дополнения к проблеме) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // МИАР. №1. М., 1997.
- Вальчак, 2003* — Вальчак С.Б. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскифский период // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Вальчак, 2008* — Вальчак С.Б. Состав комплексов с наборами тягловой упряжи, появление и исчезновение предскифских колесниц // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Междунар. науч. конф. Харьков, 2008.
- Василиненко и др., 1993* — Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья. // Древности Кубани и Черноморья. *Studia Pontocausica*, I, Краснодар, 1993.
- Галанина, 1997* — Галанина Л.К. Келермесские курганы. М., 1997.
- Галанина, Алексеев, 1990* — Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время по данным келермесских комплексов // АСГЭ. 1990. № 30.
- Днепровский, Корневский, 2003* — Днепровский К.А., Корневский С.Н. Погребения эпохи раннего бронзового века кургана I могильника Уашхиту в Адыгее // КСИА. 2003. № 214.
- Дубовская, 1993* — Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // Археологический альманах. 1993. № 2.
- Иванчик, 2001* — Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.
- Иессен, 1953* — Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. XVIII.
- Ковпаненко, Гупало, 1984* — Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки на Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.
- Козенкова, 1982* — Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. В2-5.
- Козенкова, 1989* — Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. 1989. В2-6.
- Козенкова, 2004* — Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. М., 2004.
- Крупнов, 1952* — Крупнов Е.И. Жемталинский клад. М., 1952.
- Кубышев, Черняков, 1986* — Кубышев А.И., Черняков И.Т. Грунтовый могильник белозерской культуры у с. Чернянка // СА. 1986. № 3.
- Лесков, Эрлих, 1999* — Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999.
- Ловпаче, 1985* — Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
- Медведская, 1992* — Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. № 3.
- Петренко, 1983* — Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. № 23.
- Петренко, 2006* — Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе // Степные народы Евразии. М.-Берлин-Бордо, 2006. Т. III.
- Рябкова, 2006* — Рябкова Т.В. К вопросу об этнокультурной принадлежности курганов Келермеса // *Liber Archaeologicae*. Сборник статей, посвященный 60-летию Б.А.Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006.
- Рябкова, 2008* — Рябкова Т.В. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. т. II.
- Сазонов, 1991* — Сазонов А.А. Отчет о работе Теучежского отряда археологической экспедиции Адыгейского НИИ ЭЯЛИ в 1991 г. // Архив ИА РАН, Р-1, N 16404-16405.
- Сазонов, 1992* — Сазонов А.А. Поселение Курджипское — новый памятник протомеотской культуры // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 гг. Ейск, 1992.
- Сазонов, 1994* — Сазонов А.А. Отчет о работе Теучежского отряда археологической экспедиции АРИГИ в 1994 г. // Архив ИА РАН № 18979, 18980.

- Сазонов, 1995 – Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Шиши I // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- Сазонов, 2000 – Сазонов А.А. Хаджожские курганы – некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. 2000. Вып. 3.
- Сазонов, 2004 – Сазонов А.А. О хронологии протомеотских погребений Закубанья // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*, Kraków, 2004.
- Скаков, Эрлих, 2005 – Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.
- Скаков, Джопуа, 2008 – Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник в контексте древней истории Колхиды // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. т. II.
- Сокровища курганов Адыгеи, 1985 – Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985.
- Сорокина, 1995 – Сорокина И.А. Поздний период бронзового века в Западном Предкавказье // Археология Адыгеи, Майкоп, 1995.
- Сорокина, 2001 – Сорокина И.А. Курганные могильники Закубанья. Краснодар, 2001.
- Тереножкин, 1976 – Киммерийцы. Киев, 1976.
- Техов, 1977 – Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.
- Тихонов, 2000 – Тихонов В.В. Новый комплекс киммерийского времени из Саратовской области // Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В.Синицына. Саратов, 2000.
- Хачатурова и др., 2001 – Хачатурова Е.А., Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Эрлих В.Р. Новый комплекс предскифского времени из Западного Закубанья // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар-Анапа, 2001.
- Шарафутдинова, Каминский, 1988 – Шарафутдинова Э.С., Каминский В.Н. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье // СА, 1988. № 4.
- Эрлих, 1994 – Эрлих В.Р. Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // РА. 1994. № 2.
- Эрлих, 1994а – Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.
- Эрлих, 2005 – Эрлих В.Р. К дискуссии о скифах на Кубани // IV Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
- Эрлих, 2007 – Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007.
- Эрлих, Вальчак, Маслов, 2007 – Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е. Исследования кургана 2 могильника Уашхиту I в Адыгее // Археологические открытия 2005 года. М., 2007.
- Alekseev, 2007 – Die Kurgane von Kelermes in ihren historischen Kontext // *Reitenomadische Eliten der Eurasischen Steppe: Der Skythenkongress*. Berlin, 2007.
- Alekseev et al., 2000 – Alekseev A; Bokovenko N., Boltrik Yu., Chugunov K., Cook G., Dergachev V., Kovalyukh N., Possnert G., Van Der Plicht J., Scott M., Sementsov Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva, G. A chronology of the scythian antiquities of Eurasia based on new archeological and 14C data. // *Radiocarbon*. vol.43, N 43B. Arizona. 2001
- I Tesori..., 1990 – I Tesori dei kurgani del Caucaso Settentrionale. Roma, 1990
- Kossak, 1987 – Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. – In: *Skythika. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse 98*. München. 1987.